

Александр Восьмой

Книга 11. Сиринити и Последняя Зима

18+

Александр Восьмой

Книга 11. Сиринити и Последняя Зима

<https://litres.ru/74438912>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зима пришла в сентябре и не уходила. Снег лежал до июня, снова падал в сентябре. Люди вымерзали, скотдох, колодцы вставали. Сиринити пошла на болото — туда, где, по легенде, спит Зимний Зверь. Нашла его: огромный, белый, мохнатый, с глазами, завязанными ржавой проволокой. Зверь не дышал, но снег падал с его шерсти — не тая. Сиринити развязала проволоку. Зверь открыл глаза. Зима кончилась. Но зверь проснулся голодным. И первым, кого он увидел, была она.

Александр Восьмой

Книга 11. Сиринити и Последняя Зима

Глава 1. Сентябрь, который не кончился

Первый снег упал двенадцатого сентября — мелкий, колкий, как битое стекло. К вечеру он не растаял. На следующее утро не растаял тоже. Через неделю деревню занесло по крыши.

Мужик Оптима стоял на крыльце в одном исподнем, смотрел, как белая стена ползёт по улице, и думал: «Перемелется». Не перемелось. Снег шёл сорок дней без перерыва. Потом ещё сорок. Потом перестали считать.

В доме пахло сыростью и отчаянием. Прима сидела у потухшей печи, куталась в тряпье и шептала: «Холод забирается под кожу, будто кто-то тянет жилы». Окси молча крошил в миску чёрствый хлеб — на всех по крохе. Даффи Толстяк, обычно шумный и бодрый, теперь говорил редко, а если и открывал рот, голос звучал глухо, будто из-под снега.

— Надо идти, — вдруг сказал Фаргус, глядя в окно, где небо сливалось с землёй в сплошной белой мути. — Нельзя сидеть и ждать, пока нас засыплет.

Оптима хмыкнул, но в глазах мелькнуло что-то похожее на согласие.

— Куда? — подняла голову Прима. — Там ничего нет. Только снег.

— Туда, где кончается эта зима, — твёрдо ответил Фаргус. — Или туда, где она начинается.

Сиринити стояла в углу, прислонившись к стене, и молчала. Она уже знала, куда надо идти. Болото шептало ей ночами, звало, обещая ответы. Легенды не лгут: где-то там, под коркой льда и снега, спал Зимний Зверь — причина этого нескончаемого сентября.

— Я пойду, — тихо сказала она, и все обернулись. — Одна. Так будет проще.

— Одна — значит мёртвая, — отрезал Оптима, шагнув вперёд. — Пойдёшь не одна.

Фаргус кивнул, застёгивая старую куртку. Даффи вздохнул, будто принимая неизбежное, и потянулся за мешком. Окси сунула в карман кусок хлеба и подняла глаза — в них не было страха, только решимость.

Они вышли в белую пустоту, и снег тут же обнял их, словно хотел удержать. Но они шли — сквозь вой ветра, сквозь слепящую белизну, туда, где земля становилась зыбкой, а воздух — густым, как застывающий кисель.

Болото встретило их тишиной, какой не бывает в живых местах. Лёд на кочках был чёрным, будто впитал в себя всю тьму мира. Сиринити остановилась у самой кромки, где из-под снега проступали очертания чего-то огромного, белого, мохнатого.

Зимний Зверь лежал, не шевелясь, словно вырезан из самой зимы. Его глаза были завязаны ржавой проволокой — тугой, въевшейся в шерсть.

— Он не дышит, — прошептала Прима, прижавшись к Окси.

— Но снег падает с него, — тихо ответил Оптима. — И не тает.

Сиринити сделала шаг вперёд. Рука дрогнула, но она всё же потянулась к проволоке. Металл был ледяным, будто помнил прикосновение вечного холода. Она развязала узел. Проволока звякнула, упав на лёд.

Зверь открыл глаза.

Мир вздрогнул.

Снег перестал падать. Где-то далеко, за пределами болота, ветер стих. Но в этом мгновении, когда зима отступила, стало ясно: Зверь проснулся — и он был голоден.

Первым, кого он увидел, была Сиринити.

Глава 2. Колодцы и кости

К октябрю колодцы встали — лёд толщиной в руку, хоть топором бей. Скотдох в хлевах: коровы мычали тонко, как дети, потом замолкали. Оптима заколол последнюю козу в ноябре, и мясо было серое, неживое, будто зверь умер ещё до ножа.

Фаргус ходил по дворам и считал молчащих. На седьмой двор он перестал считать — нечего было считать. Глаза у

него стали цвета мокрой коры — тусклые, пустые, будто из них выдуло всё тепло. Он вернулся к дому Оптима, постучал костяшками в дверь — не как гость, а как тот, кто уже не верит, что за ней есть жизнь.

Оптима вышел на порог, ссутулившийся, с лицом, изрезанным морщинами, будто зима резала его по живому каждый день.

— Воды нет, — коротко сказал Фаргус. — Лёд не берёт ни топор, ни огонь.

Оптима кивнул. Он знал: если лёд не берёт огонь — значит, это уже не просто лёд. Это печать зимы.

Даффи Толстяк сидел у погасшей печи, кутался в тряпье и дрожал — не от холода, а от тишины. Раньше тишина была уютной, домашней, а теперь она звенела, как натянутая струна.

— Я слышал, — прошептал Даффи, — как под землёй что-то скребётся. Будто кости трутся друг о друга.

Прима подняла голову, в глазах — усталость и злость, которая держится на последнем волоске.

— Хватит, — сказала она резко. — Никаких сказок. Никаких скребущихся костей. Нам надо выжить.

Окси молча протянула ей кусок чёрствого хлеба — половину своей доли. Прима хотела отказаться, но взяла. И в этом жесте было больше слов, чем во всех разговорах за месяц.

Сиринити стояла у окна, смотрела на белую пустоту и думала о болоте. Она знала: зверь проснулся, и тишина — это

не покой, а затишье перед тем, как мир начнёт кричать.

— Надо идти, — тихо сказала она, не оборачиваясь. — Туда, где зверь открыл глаза. Может, там найдём ответ, как всё вернуть.

— Или как не умереть, — буркнул Оптима. — Ладно. Собирайтесь. Только тихо. Будто нас и нет.

Они вышли в сумерки — не как отряд, а как тени, которые боятся, что ветер сдует их в снег. Улица была белой и мёртвой, дома — будто вымершие звери, прижавшиеся друг к другу в тщетной попытке согреться.

На углу, где раньше висел фонарь, теперь торчал обледеневший столб, а под ним, в сугробе, белело что-то длинное, изогнутое. Фаргус наклонился, смахнул снег — и отпрянул.

Это была человеческая кость. Не старая, не истлевшая — свежая, будто её только что вытолкнула земля.

— Это не зверь скребётся, — прошептала Прима, прижимаясь к Окси. — Это зима роет себе могилу... и хочет, чтобы мы легли в неё первыми.

Оптима посмотрел на кость, потом на небо, где звёзды казались осколками льда.

— Значит, идём, — сказал он твёрдо. — Пока у нас есть ноги. Пока мы чувствуем холод. Пока помним, как дышать.

И они пошли — сквозь белую пустоту, туда, где болото ждало, как распахнутая пасть.

Глава 3. Легенда, которую рассказывают шёпотом

Печка едва тлела, и её тусклого света хватало лишь на то, чтобы выхватывать из темноты лица — заострённые, измученные, будто сама зима стачивала с них мягкость. Прима сидела в углу, прямая, как вбитый кол, и говорила так тихо, что приходилось подаваться вперёд, рискуя свалиться в промерзшую пустоту комнаты.

— Он не дышит, — шептала Прима, и слова падали, как льдинки, звеня в тишине. — Но снег с его шерсти падает и не тает. Он дышит зимой. Пока он спит — зима не кончается. Это он её делает. Это его сон — и мороз, и ветер, и белая тьма.

Даффи Толстяк вжался в стену, будто хотел сквозь неё уйти туда, где тепло и пахнет хлебом. Его пальцы дрожали, сплетаясь и расплетаясь, будто пытались связать из воздуха хоть какую-то защиту.

Фаргус смотрел на Приму не мигая. В его глазах цвета мокрой коры отражался слабый отсвет углей — и в этом отражении было что-то твёрдое, упрямое.

— А если зверь голодный проснётся? — спросил кто-то из темноты, голос сорвался на хрип.

Прима не ответила. Она медленно обвела взглядом каждого — будто не считала, а взвешивала, хватит ли в них силы, чтобы услышать правду. Потом опустила веки и сказала:

— Кто развяжет проволоку — разбудит зверя. Зверь закроет глаза — и зима вернётся в землю, откуда пришла.

В комнате стало ещё холоднее — будто сама тишина по-

тяжелела от этих слов.

Окси, до этого молчавшая, вдруг подняла голову:

— Значит, надо не развязывать. Надо придумать что-то другое.

Сиринити не смотрела на неё. Она смотрела в темноту за окном, туда, где болото ждало, как распахнутая пасть.

— Нельзя, — тихо сказала она. — Зима уже не просто пришла. Она пустила корни. Если мы ничего не сделаем, она прорастёт сквозь нас. Сквозь кости. Сквозь сны.

Оптима, до этого стоявший у двери, будто стороживший выход, шагнул ближе. Его лицо было грубым, выветренным, как старый камень, но в голосе звучала не грубость, а тяжесть ответственности.

— Значит, идём, — сказал он. — Но не чтобы развязать. Чтобы понять. Может, есть способ разбудить его так, чтобы он не был голодным. Или чтобы он увидел не нас, а что-то ещё.

Прима открыла глаза и посмотрела на Оптима долго, пристально, будто пыталась прочесть в его лице ответ, который сама не решалась дать.

— Вы не понимаете, — наконец прошептала она. — Он не просто голоден. Он — сама зима. А зима всегда хочет есть.

Но в комнате уже не было тех, кто хотел остаться. Фаргус застёгивал куртку. Даффи, хоть и дрожал, завязывал шнурки. Окси прятала в карман маленький нож — не для зверя, а чтобы чувствовать, что у неё есть хоть что-то. Сиринити

стояла у двери, готовая шагнуть в белую пустоту. Оптимизм кивнул ей — коротко, по-деловому, будто они собирались не к Зимнему Зверю, а просто в дальний двор за дровами.

Они вышли в ночь, и снег встретил их не как стихия, а как знакомый враг — холодный, терпеливый, уверенный, что рано или поздно они устанут идти.

Ветер выл, будто смеялся над их решимостью. Но они шли — мимо вымерших домов, мимо заледеневших колодцев, туда, где земля становилась зыбкой, а воздух — густым, как застывающий кисель.

Болото дышало холодом. Оно не звало — оно ждало. И в этой тишине, в этом ледяном ожидании, каждый из них вдруг понял: легенда, которую рассказывали шёпотом, больше не была просто сказкой. Она стала их дорогой.

Глава 4. Сиринити

Сиринити не была ни самой смелой, ни самой сильной. Была — тихая. Из тех, кто слушает, как скрипит крыша, и не боится, а запоминает. Ей было девятнадцать, и к декабрю у неё не осталось никого: отец замёрз у колодца, мать просто не проснулась однажды утром — тихо, будто ушла в другой сон.

Она сидела у окна, смотрела на белое — ни неба, ни земли, одно молоко — и думала о Приминой легенде. Слова старухи цеплялись за мысли, как колючки: «Он дышит зимой... Его сон — это мороз и ветер...»

Потом встала, надела тулуп, сунула нож за пояс и вышла. Молча. Никому не сказала.

Снег встретил её не как стихию, а как стену — плотную, непроницаемую, будто сама зима нарочно встала поперёк дороги, чтобы никто не ушёл. Но Сиринити шла. Не потому что не боялась, а потому что страх уже стал частью её, как холод под одеждой, как тяжесть в груди.

Фаргус заметил её отсутствие только к полуночи. Он обошёл пустые дворы, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась ему чужой, неправильной. Оптима стоял у двери, хмуро смотрел на следы, уходящие в белую пустоту.

— Одна, — пробормотал он, будто пробуя слово на вкус.
— Опять одна.

Даффи Толстяк кутался в тряпье и шептал:

— Она же не знает, что зверь голодный... Она думает, что можно просто развязать и всё станет как раньше.

Окси молча накинула платок, взяла фонарь — хоть и знала, что в этом снежном молоке свет утонет через десять шагов.

— Надо идти, — сказала она твёрдо. — Она не для того ушла, чтобы мы сидели и ждали.

И они пошли — не отрядом, не героями, а просто людьми, которым было кого терять.

А Сиринити к тому времени уже стояла на краю болота. Земля под ногами ходила ходуном, будто дышала. Лёд был чёрным, как застывшая ночь, и в нём, как в зеркале, отража-

лись не звёзды — а тени чего-то огромного, спящего глубоко внизу.

Она подошла к кочкам, где земля расступилась, образуя яму, и увидела его. Зимний Зверь лежал, огромный, белый, мохнатый, с избу размером — а то и больше. Его шерсть была покрыта инеем, а из неё, не тая, сыпался снег — будто сама зима сочилась сквозь волосы.

Глаза зверя были завязаны ржавой проволокой — тугой, въевшейся в шерсть, будто она держала не веки, а самую суть холода.

Сиринити подошла ближе. Рука дрогнула, но она не отступила. Нож за поясом казался теперь жалкой защитой — как соломинка против бури. Она протянула руку, коснулась проволоки. Металл был ледяным, будто помнил прикосновение вечного холода.

В этот миг болото замерло. Даже ветер стих, словно прислушивался.

«Если я это сделаю, — подумала Сиринити, — зима кончится. Или начнётся по-настоящему».

Она потянула за узел. Проволока звякнула, скользнула, ослабла.

Зверь шевельнулся.

Земля вздрогнула.

И в тот момент, когда ржавая петля упала на лёд, Сиринити поняла: она не просто разбудила зверя. Она позвала зиму — и теперь та пришла за ней.

Глава 5. Дорога на болото

Снег по пояс. Снег по грудь. Снег по горло. Сиринити шла три дня — не потому что далеко, а потому что после каждого шага приходилось отдыхать. Сил хватало на десяток шагов, потом — упасть на снег, глотать колючий воздух и ждать, пока дрожь перестанет рвать тело на части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.